

Он лежал в темноте, истекая кровью. Холодные твердые половицы были прохладным утешением для его лица, но не для какой-либо другой его части. У Гарри Поттера не было веселых летних каникул. Как давно я вернулся? — спросил он. Пятнадцать минут? Приятно видеть, что некоторые вещи никогда не меняются.

Стараясь не двигаться и даже не дышать слишком глубоко, он провел мысленную инвентаризацию того, что осталось от Мальчика-Который-Выжил. Сломанный нос от удара кулаком Вернона Дурсля. Проверять. Один, два... как минимум два сломанных ребра из-за удара Вернона после того, как он упал. Проверять. Сломано правое колено из-за того, что на него наступили. Проверять. Сломанный мизинец левой руки... Не помню, чтобы я его сломал, подумал он. Вероятно, упал на него по пути вниз или что-то в этом роде.

Он уныло скривился, думая, что это примерка, близкая к абсолютно гнилому пятому году в школе. Если подумать, последние несколько лет были абсолютно гнилыми. Сириус мертв... Седрик мертв... Уизли атаквали направо и налево... Рон, Гермиона и почти все остальные отчуждены. За что именно я должен бороться, опять же?

Мысли его блуждали, как бывало много раз за эти годы. Гарри понял, что может облегчить себе жизнь, если просто подумает о чем-то другом. Не обычные мечтания и болтовня, которыми занимаются все дети во время взросления, а нечто большее. За шестнадцать с лишним лет Гарри научился просто «не думать об этом».

У Гарри не было возможности узнать, но это отчуждение было защитным механизмом; способность, характерная для людей, подвергшихся жестокому обращению. Некоторые люди просто перегружаются стрессом, и их разум отключается, оставляя их реветь и бормотать обломки безумия; в то время как другие, такие как Гарри, просто позволяют своему паническому механизму справиться с бормотанием и плачем - и позволяют их разумному сознанию отключиться.

Эксперты по пыткам, подобные тем, которых обучали КГБ и Штази, знали, как распознавать признаки приближения ключевой точки и держать ситуацию чуть ниже уровня, позволяющего мысленно уйти в любом направлении. Вернон и Дадли Дурсли, с другой стороны, не были опытными специалистами по пыткам (да и вообще не были экспертами в чем-либо); им просто нравилось избивать людей. Маленькие люди, которые не могли дать отпор. Такие люди, как Гарри Поттер.

Он все еще чувствовал физическую боль, такую сильную, как и следовало ожидать. Но это не имело большого значения. Он знал, что никто не придет. Он знал, что, вероятно, умрет прямо здесь, на полу, запертый в своей комнате в растущей луже собственной крови. И ему было очень трудно заставить себя наплевать.

Не на шутку отстранившись, он прокручивал в уме прошедший день. Хм... Все угрожают Вернону на вокзале. Странно тихое путешествие домой. Улыбка Вернона, безумная, как футбольная бита, вместо обычных фиолетовых угроз. Вытащить все мои вещи из машины, занести их внутрь, закрыть дверь и... получить по морде. На полу, его пинают, топают и... О да!

Гарри вспомнил — вспомнил, чему так радовался Вернон. Они двигались. Небольшой скачок в день рождения Гарри. — Мы уходим, урод! он сказал. "Дом продан, так что выноси свою грязную гадость на улицу! До свиданья, скатертью дорога, и" - хруст - "БЕРИТЕ ЭТО С СОБОЙ!"

Правильно, подумал Гарри. Вот тогда мое колено было сломано.

Дом уже почти опустел. Неудивительно, что толстожопый был счастлив. Он продал дом, уже все перевез и только и ждал, чтобы по-особому, от всего сердца попрощаться с единственным человеком на свете, которого он ненавидел больше всего на свете.

Гарри Поттер. Мальчик, который жил. Едва жил. И ненадолго. Он даже не мог позвать на помощь. Он не мог дышать достаточно глубоко, чтобы прошептать, не говоря уже о том, чтобы окликнуть, чтобы его ребра не скрипели. Из носа на пол брызнула кровь.

Гарри услышал внезапный стук в окно. Хедвиг! Окно было закрыто и заперто, и на зеленой земле Мерлина не было никакой возможности открыть его. По крайней мере, она не пострадала. Хедвиг, его любимая полярная сова, его фамилляр и самый верный друг... только что прилетела домой. И теперь она не могла войти.

Он даже не мог видеть в окно. Но он знал, что это она. Немного осмотрев комнату, он заметил, что его нога лежит под неестественным углом. Он попытался немного пошевелиться, попытался закричать... и это была его последняя сознательная мысль за день.

Λ

Когда он очнулся, то был несколько удивлен, что смог видеть, пока не понял, что его очки все еще были на его лице, целые. Рад, что научился хотя бы этому очарованию. Судя по свету, было около середины утра. Потеряв сознание от боли, он проспал вечер, ночь и половину следующего утра.

Время для очередной инвентаризации он назначил себе. Затем Хедвиг вошла в его поле зрения. Она стояла на полу, на расстоянии вытянутой руки от его головы, просто наблюдая за ним. Увидев, что он проснулся, она подошла ближе и легонько ткнула его клювом в лоб.

«Прости, девочка. Ты очень милая, но я не могу сейчас встать». Хедвиг тихонько ворковала и улюлюкала, используя те теплые гортанные трели, на которые способны только птицы. — Ты меня понимаешь, не так ли, Хедвиг? Всегда понимала, я думаю.

Боль в его травмах была сильнее, но не такой резкой. Гарри уже привык к этому циклу, так как ему было достаточно больно — и дома, и в школе, — чтобы знать. Его дыхание все еще было болезненным, как пламя. Его левая рука распухла из-за невылеченного сломанного пальца. Его правая нога распухла и плотно заполнила штанину. «Наверное, перекрывается кровообращение», — подумал он. Если бы я попытался позаботиться об этом, мне пришлось бы срезать штаны. Он чуть не усмехнулся при этом, сразу же застонав, когда его ребра

остановили его смех.

Теперь ничего не остается, как ждать. Я собираюсь умереть прямо здесь. Со стражником Ордена, вероятно, стоящим прямо во дворе, который понятия не имеет, что мне нужна помощь. — Я бы очень хотел воды, — сказал он хриплым шепотом.

Λ

Жаркий июньский день прошел навсегда. Гарри то терял сознание, то терял сознание. Не теряя сознания полностью, он продолжал погружаться в то состояние, близкое к сну, которое приходит непосредственно перед сном. Это время, когда ваш разум начинает говорить вам глупые, блестящие вещи, которые вы никогда не помните, когда просыпаетесь.

Любой, кто мог бы наблюдать, заявил бы, что он в бреду; то исчезая, то исчезая из контакта с миром, бормоча себе под нос. Они были бы совершенно неправы. Теперь защитный механизм Гарри стал для него естественным. Пока его тело лежало разбитым и истекающим кровью, его разум занимался своими делами. Он привык к этому. Он уже много раз лежал на этом полу и других этажах, разбитый и истекающий кровью. Избит, покалечен, замучен за абсолютно непростительный грех быть Гарри Поттером. Это не могло быть преступлением, не так ли? Это не было нарушением закона. Просто, видимо, против кодекса идиотов в его мире.

Он снова легко усмехнулся. Мне грех дышать. Затем он начал замечать некоторые вещи в своей комнате. Во-первых, он увидел, что день прошел, и на него опустилась вечерняя прохлада. Было приятно снова остыть, учитывая его огромную жажду. Следующее, что он заметил, однако, был запах. В течение последних двадцати четырех часов, когда он почти не контролировал свое тело, его мочевого пузыря опорожнился.

Немного осмотревшись, он вздохнул - легко, стараясь не тревожить ребра. Его кровь засохла и теперь покрылась коркой вокруг него на полу. Я почти пуст, подумал он. У меня все сливные пробки открыты. Кровь, слезы, пот, моча. Какой же вонючий бардак у нас, людей, внутри. Он уже собирался покрыть дисплей ушной серой или, может быть, соплей, когда кое-что заметил. Что-то новое в его опыте. Что-то такое, о чем он никогда не слышал.

Он мог видеть свою собственную магическую ауру.

В бледном угасающем вечернем свете своей комнаты Гарри Поттер мог видеть нимб магии вокруг своего тела. Это было раньше? он думал. Или моя магия тоже вытекает из меня? Он попытался вспомнить то время, когда видел вокруг кого-то магическую ауру; но был только один человек.

Дамблдор.

Одна только мысль об этом имени приводила его в ярость. Вся ложь, предательства, манипуляции, наглое использование его. Лжец! — кричал его разум. С всплеском гнева

пришла волна невероятной боли в ноге, груди, голове и руке. Он снова чуть не потерял сознание, но каким-то образом сумел сохранить сознание. Лучше понаблюдай за этим, подумал он. Интуитивно он знал, что гнев лишает его разума возможности оставаться в стороне.

На мгновение он удивился этой мысли. Какой ужасный талант нужно развивать! Способность отделяться от собственной боли, просто чтобы оставаться в здравом уме. И только один, ужасающий способ узнать это.

Гарри знал, что телосложение волшебника сильнее маггловского; точно так же, как их способность лечить или тот факт, что волшебники жили дольше. Но никто так и не смог удовлетворительно объяснить ему, почему это так. Он обдумал это, снова глядя на свою ауру. Лежа на левом боку, положив здоровую ногу под больную, он увидел разницу. Другой цвет? Нет, не цвет... Вкус? Он хмыкнул, нетерпеливый из-за собственной неспособности описать это словами. Он решил использовать «аромат», хотя и знал, что это неправильно.

Он почувствовал, что что-то изменилось в ауре над теми местами, где ему было больно. Подтянув руку ближе, он мог видеть, как повреждение проявляется в магии вокруг его сломанного пальца. Гарри уставился на свою раненую руку, каким-то образом зная, что он был на грани открытия. Если бы он только мог посмотреть достаточно близко, чтобы почувствовать, чтобы разобраться во всей этой ауре. Он обнаружил, что, когда он пытался пошевелить сломанным пальцем, аура, казалось... ну, пульсировала. Когда он остановился, пульсация замедлилась.

Он не думал о нелепой ситуации, в которой оказался. Потерявшись в переживаниях, его разум все еще был отвлечен от боли, он сосредоточился на том, чтобы замедлить пульсацию.

Вот, подумал он, как раз перед тем, как снова заснуть, измученный. Это чувствует себя лучше. По крайней мере, его рука не так сильно болела, как раньше. Когда он задремал, он слегка улыбнулся своей новообретенной способности справляться со своей болью.

Он еще не знал этого, но он частично исцелил свою руку.

<http://tl.rulate.ru/book/80319/2440550>